

Вахта Филиппа Кузьмича

Казалось, даже молодые елочки, что высажены по улице Советской, торопились в сквер рудника на праздник шахтеров. Не вытерпел, заглянул туда и диспетчер Красногвардейской шахты Филипп Кузьмич Коржов. Музыка, улыбающиеся лица друзей, с которыми делил заботы и радости, труд и отдых... Уходить не хотелось. Но у него вахта, и он спешит на свою «Красногвардейскую», которую знает уже два десятка лет.

Шахтером стал Коржов и того раньше. В шестнадцать лет ушел он за шахтерской романтикой из деревни Богдановки Самарского края в Среднюю Азию. Тринадцать суток волочил поезд до местечка Кизылкия. Жара и песок, скорпионы и юрты. А ему понравилось. Начал подсобным рабочим, через месяц поставили бригадиром. Здесь же в Средней Азии получил и вторую профессию — тракториста. А потом смутили его сердце рассказы о Сибири. Поехал. И снова шахта, новые звания: коногон, взрывник... Полюбили ему шахтеры, крепкие, спяные, веселые, полюбилась Сибирь и еще сибирячка Анна. С ней и уехали на Урал.

Здесь, в Красноуральске — новые друзья, а среди них з а б о й щ и к Илларион Павлович Янкин. Был шахтер самый обыкновенный, только скоро стали о нем говорить громко и с уважением на Урале. Да и по всему Союзу газетной волной побежала слава о «янкинском методе».

Коржов тогда был в отпуске, но, услышав о событиях на своей шахте, не выдержал, пришел. И семь месяцев не выходил из ночной смены (готовили рабочее место для Янкина). Члены бригады каждый месяц менялись, он оставался. А осенью 1940 года на торжественном собрании поздравляли и его, Коржова.

Казалось, жизнь вошла в колею. Работа, семья, сын рос — Толка. Широкие были планы, большие надежды, но... война. Северозападный фронт, ранен где-то у Волхова...

Филипп Кузьмич листает странички ненаписанной книги. Апрель 1942 года. Передовая. Психическая атака противника, вооружен-

ного автоматами и ручными пулеметами. Гибли товарищи. Приказано было отходить. Вместе с теми, кто остался прикрывать отход, был Коржов. Когда убили пулеметчика, занял его место. Луч воспоминаний выхватывает усталое лицо телефонистки Любы Ивановой. Девушка не оставляла аппарат всю неделю и не выдержала, упала тут же обессиленная. Он, Коржов, отнес ее в батальон связи.

Помнится небольшая комната. Бледный обер-ефрейтор выкладывает на стол карты местности, говорит о расположении своих войск, орудий. Ему предлагают стакан с белой обжигающей жидкостью. Немец отшатывается: нет,

О Ч Е Р К

нет! Боится: отравят. Командир кивает Филиппу Коржову, и тот, залпом опрокинув стакан, снова наполняет его. Человек в чужой форме улыбается, вытаскивает письма, фотографии семьи, что-то объясняет. Он перешел оттуда, с другой стороны. Своим провозжали его огнем, убили тех солдат, которых он убедил идти к русским. Коржов смотрит на него и не чувствует ненависти. Этот чужой человек уже не враг.

...Кювет, перебитые ноги, адская боль и адский вой вражеской авиации. Начальник политотдела дивизии Александр Иванович Коновалов подползает к нему, наспех перетягивает раны:

— Подожди, сейчас позову санитаров.

— Не надо, — Коржов крепко хватает здоровой рукой Александра и не пускает его. Он видит: стоит товарищу проползти немного и его убьют. Удержал, а через 10 часов пришли санитары с носилками.

Когда лежал в госпитале, до пояса втиснутый в гипс, товарищи прислали письмо, поздравили с орденом Красного Знамени. Через два с половиной месяца вышел из госпиталя с палочкой, чуть не задохнулся от осеннего воздуха и от радости, что почти здоров, что скоро увидит жену и детей (ведь они рядом, за 40 километров!). Шел домой несколько дней. И вот,

постучал у своего дома и услышал, как там крикнули: «Филипп приехал!». Он сел на пороге не в силах двинуться дальше и, кажется, плакал. Жена Анна, не вытирая мокрого лица, не чувствуя ожогов, рвала крапиву, заливала ее горячей водой, чтобы опустить туда больные ноги мужа. В народе считали: помогает...

На фронте больше быть не пришлось. Красногвардейская шахта встретила воина с радостью: не хватало рабочих рук. Филиппа Кузьмича поставили начальником смены. А в день Победы за ним прибежали в шахту, и он говорил перед людьми обыкновенные, простые слова о счастье победы, о том, как трудно далась она. Люди слушали.

Время бежало вперед, и Филипп Кузьмич не отставал от него. Шахтера награждали грамотами, медалями «За доблестный труд», «За многолетнюю работу», его отправляли учиться. И он учился. К нему посылали молодых рабочих — он передавал им свой опыт. Его приняли в партию. Теперь секретарь партбюро шахты т. Игнатьев говорит:

— Инициативный товарищ. Не раз избирался в партийное бюро и хорошо выполнял партийные поручения.

Эти суховатые строчки дорисовывают образ Филиппа Кузьмича Коржова, прошедшего большую жизнь, воспитавшего вместе с Анной Николаевной троих детей, отдавшего нелегкой шахтерской работе не один десяток лет.

Ночь. В диспетчерской на вахте Филипп Кузьмич. Он сейчас хозяин шахты, врач, внимательно прислушивающийся к ее пульсу, который он изучил не хуже, чем пульс своего ребенка. В этом году Филипп Кузьмич уйдет на пенсию, и на шахте его сменят другие. Он передаст ее с чистой совестью, ибо свою трудовую вахту он отстоял достойно.

В. ЯКОВЛЕВА.

По пути Ильича

15 сентября 1963 г.

3 стр.